

цы монархов того времени, помимо рассмотренных в статье. Для более четкой прорисовки проблемы необходимо обратить внимание на представителей царской семьи, которые не являлись монархами и

тем не менее отображали и транслировали значимые черты властной традиции. Но это задачи более объемного исследования.

Поступила в редакцию 09.11.2006

Литература

1. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 2001.
2. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1990.
3. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
4. Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
5. Хьюз Л. Царевна Софья. 1657–1704. СПб., 2001.
6. Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. N.Y., 1969.
7. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994.
8. Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология истории. М., 2002.
9. Мухин О.Н. Трансформация образа правителя в Петровскую эпоху в контексте российских властных мифологем (на материале американской историографии) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2006. Вып. 1 (52).
10. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.
11. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гварриента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Гергом Корбом // Рождение империи. М., 1997.
12. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 2001.
13. Dixon S. The Modernization of Russia 1676–1825. Cambridge, 1999.
14. Ключевский В.О. Царь Алексей Михайлович. – Ф.М. Ртищев // Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1990.
15. Анисимов Е.В. Женщины на российском престоле. СПб., 2003.
16. Лефstrand Э. Петр Великий и русские женщины // Царь Петр и король Карл. М., 1999.
17. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра I до смерти Николая I. М., 2002.

УДК 316.342.4

А.Ю. Конев

О ВКЛЮЧЕНИИ ЯСАЧНЫХ В СОСЛОВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН (НА МАТЕРИАЛАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Тобольский индустриальный институт

Возникновение и развитие сословной структуры российского общества является одной из фундаментальных проблем социальной истории России XVII–XIX вв. Имея давние традиции изучения в отечественной и зарубежной историографии, она до сих пор остается дискуссионной в теоретико-методологическом плане. При этом данная тематика достаточно перспективна для дальнейшей разработки прежде всего в исследовании особенностей правового положения разнообразных этно-социальных групп, населявших Российскую империю. Особый интерес вызывает вопрос о месте, которое занимали в сословной структуре российского общества коренные народы Поволжья, Урала и Сибири, переходившие «под высокую руку» московских государей на протяжении XVI–XVIII вв.

Считается, что сословный строй в Русском государстве начал формироваться с середины XVII в., после принятия Соборного Уложения, когда многочисленные «чины», объединяясь в социальные группы («состояния»), стали различаться не только обязанностями, но и закрепленными в законе правами [1, с. 366–380]. Введение подушного обложения в 20-х гг. XVIII в. ускорило этот процесс, дав новые социальные определения действовавшим «чинам», окончательно отделив привилегированные слои населения от непривилегированных.

Элис К. Виртшафтер весьма точно определила значение подушной подати как показателя социального положения [2, с. 49]. Учитывая это принципиальное замечание, автор настоящей статьи при исследовании на западносибирском материале XVIII–

XIX вв. особенностей податного статуса ясачного населения Сибири, попытается ответить на вопрос, можно ли рассматривать ясачных как составную часть формирующегося крестьянского сословия. Если да, то в какой мере и применительно к какому периоду.

Заметим, что в литературе нет единого мнения относительно того, что собою представляло в сословном отношении крестьянское население России в XVIII – первой половине XIX в. Одни исследователи считают, что в этот период складывается единое крестьянское сословие, включавшее в себя несколько разрядов с некоторыми отличиями в юридическом положении (наиболее последовательно эта точка зрения изложена Б.Н. Мироновым [3, с. 122–123]); другие выделяют в отдельное сословие государственных крестьян [4, с. 141–145, 152–155; 5, с. 234]. Эта противоречивость в оценках отразилась в тексте введения к 4-му тому фундаментального издания «Российское законодательство X–XX веков», где на одной странице говорится об образовании в результате податной реформы 1718–1724 гг. сословия государственных крестьян, а на следующей – о том, что «при Петре I сформировалась внутрисословная категория государственных крестьян» [6, с. 31, 33].

Относительно социально-правового статуса ясачного населения Сибири применительно к XVIII столетию в историографии вообще не сложилось сколько-нибудь ясного представления. Более четко определились позиции исследователей по поводу соответствующих итогов реализации «Устава об управлении инородцев» 1822 г. Напомним, что, согласно этому документу, инородцы, отнесенные к разряду «оседлых», сравнивались «с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят» [7, § 13]. В свою очередь, оседлые земледельцы «имеют быть включены в число государственных крестьян» [7, § 17]. Не случайно, что «Устав об инородцах» отечественные сибиреведы рассматривают как «завершающее звено» в юридическом оформлении сословия государственных крестьян в Сибири (см.: [5, с. 246]). Еще одним результатом реформы 1822 г., по мнению некоторых отечественных и зарубежных историков, стало формирование особого инородческого сословия, социальные границы которого, как правило, определяются двумя разрядами инородцев – «кочевых» и «бродячих», оставленных в ясачном окладе со специфической системой самоуправления (см.: [8, с. 77; 9, с. 219]).

Начало юридического и фактического оформления категории государственных крестьян связано с проведением податной реформы в первой половине 1720-х гг. Ее правовые основы были определены указом 11 января 1722 г. и плакатом 26 июня 1724 г. Содержание некоторых статей «Плаката о сборе

подушном» свидетельствует о том, что ясачное население империи рассматривалось в качестве составляющей нового разряда крестьян. В п. 18 этого правового акта дословно сказано: «Понеже на однодворцев... на татар и ясашных, и на пашенных... и на других им подобных государственных крестьян... на тех положено сверх настоящего подушного сбора... еще по четыре гривны с души» [10]. Не удивительно, что положения 26 июня 1724 г. нашли соответствующую интерпретацию в отечественной исторической и историко-правоведческой литературе (см.: [4, с. 141–145, 152–155, 179–181; 6, с. 31]. Вместе с тем следует учесть, что особым «Реэстром» Плаката исключались из подушного сбора астраханские и уфимские татары, башкиры и сибирские ясачные иноверцы, «которых переписывать и на полки раскладывать не велено» [10, с. 318]. Таким образом, эта часть ясачного населения России не подлежала ревизскому учету с целью подушного обложения.

Обратим внимание на то, что некоторые из числа «ясачных иноверцев», проживавших в подтаежных районах и лесостепной полосе Западной Сибири, занимались земледелием. По данным В.И. Шункова, в Тюменском и Тарском уездах в конце XVII в. запашка татар составляла 1354 десятины на 1113 человек [11, с. 54]. К началу 80-х гг. XVIII в. татарско-бухарское население одного только Тюменского уезда обрабатывало уже 10,5 тыс. десятин. Правда, уровень земледельческой культуры был весьма низким. М.М. Громыко отмечает, что в конце XVIII в. даже в хорошее лето тюменские татары снимали урожай сам-2 [12, с. 42]. Но для нас в данном случае важны не столько количественные и качественные характеристики агрокультуры коренных жителей края, сколько статусные позиции «ясашных земледельцев». Важно подчеркнуть, что в XVIII столетии занятие земледелием само по себе не рассматривалось как обязательное или достаточное условие для перевода ясачного в категорию крестьян, или, если выразиться точнее, как повод для изменения социальной принадлежности ясачного человека.

Подворная перепись 1719 г. фиксирует отдельно «татар, платящих хлебный ясак» и «ясашных татар», вносивших подать «мягкой рухлядью» [12, с. 40]. Вместе с тем, это не означало, что данные категории ясакоплательщиков принципиально отличны друг от друга в социально-правовом плане. Ясак вне зависимости от формы реализации (зверем, хлебом, деньгами) являлся выражением особых политических и экономических отношений, складывавшихся между метрополией и населением колонизируемых территорий. Ясачная подать становится фискальным выражением особого статуса земель, на которых обитали «ясачные иноземцы». Если земля, обрабатываемая ясачными, переходила

в пользование к русским владельцам, то последние обязаны были платить ясак (по сути – натуральный оброк) за пользование ясачной землей. Весьма характерно, что участки другого происхождения назывались «росейской землей», за них те же владельцы несли отдельно обычные повинности [12, с. 193]. Интересно также наименование таких владельцев – «русские ясашные люди». Оно встречается, например, в расходной книге Верхотурской земской конторы за январь–апрель 1723 г. [13, с. 153]. Ясак в XVIII столетии утрачивает военно-политический характер (дань), наполняясь соответствующим экономическим содержанием (налог). Из инструмента, определяющего государственную принадлежность сибирских «иноземцев», ясачная подать становится социальным маркером, выполняя одновременно роль регулятора форм и норм эксплуатации «ясачных людей».

Итак, за сибирскими «ясашными» закреплялся статус особой податной группы, сохранявшей не только специфическую форму натуральной повинности в пользу государства, но и обусловленные этим особенности социально-экономического и правового положения. Отмечая данный факт, следует обратить внимание на то, что Плакат 1724 г., в тексте которого использовалось обозначение «ясачные иноверцы», не определил однозначно податной статус тех из них, кто принимал православие.

Как известно, до конца XVII в. «новокрещены» переводились из разряда ясачных и зачислялись в число служилых по прибору. Некоторые из них оставались при монастырях. Практика эта была прекращена в 1703 г. В ответ на челобитную сибирского митрополита Филофея Лещинского, поданную им на имя царя 31 декабря 1702 г., из Москвы пришла грамота, составленная в Сибирском приказе с одобрения Петра I. В ней, между прочим, говорилось, что если «иноземцы похотят волею своею креститься... и их крестить, а неволею... не крестить, и ясаков с них не складывать» [14, л. 38 об.]. Обязав крестившихся сибирских «иноземцев» уплачивать ясачную повинность, государство через полтора десятка лет, указом Сената от 1 сентября 1720 г. предоставило новокрещенным из «разных народов людям» трехлетнюю льготу «во всяких сборах и в изделиях» [15]. Указом 2 ноября 1722 г. [16] они освобождались от дачи рекрутов¹. Таким образом, новокрещенные превращались в льготную категорию ясакоплательщиков. Интересно, что одновременно с этим на местах, предпринимались попытки усиления эксплуатации прозелитов. В первые годы своего сибирского губернаторства (1719–1720 гг.) вполне определенную позицию по от-

ношению к новокрещенным занял князь А.М. Черкасский. С них начали взыскивать ясак в размере, соответствовавшем в денежном выражении податному обложению сибирских крестьян [17, с. 228]. Военный ревизор князь И.В. Солнцев-Засекин, проводя в 1722 г. проверку итогов первой подушной переписи в Сибири, воспользовался юридической неопределенностью положения новокрещенных ясачных и показал их как неучтенную категорию населения. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда несколько тысяч недавно крестившихся иноверцев, оставаясь в ясачном окладе, принуждались еще и к уплате подушного сбора.

Правящий должность сибирского архиерея схимонах Феодор (Филофей Лещинский), известный к тому времени своей миссионерской деятельностью, опротестовал действия переписчика Солнцева, включившего новокрещенных в подушную перепись. Указ Сената от 26 марта 1726 г. [18], явившийся, по сути, ответом на обращение схимонаха Феодора, окончательно разъяснил, что подушному обложению не подлежат все категории сибирского ясачного населения – и крещенные и некрещенные, а полагалось «брать с них ясак по-прежнему». Сенат потребовал «взять известие» у полковника Солнцева-Засекина, «для чего он, имея точные указы, таких ясачных в подушную перепись писал». Очевидно, что формулировки «точных указов» 1724 г. могли трактоваться совершенно противоположным образом. Не исключено, что именно настойчивость сибирского архиерея, напомнившего содержание соответствующих грамот Петра I о необходимости «прилежать» в деле крещения «идолопоклонников и магометанов» и «при призыве оных обнадеживать всякою Его Величества милостию», повлияла на решение правительства, наконец-то четко определившего податной статус новокрещенных в Сибири. В дальнейшем, на протяжении всего XVIII в. правительственными указами подтверждались льготы по уплате ясака крестившимися иноверцами [19, л. 85; 20, л. 48]. Но, несмотря на особый фискальный режим для новокрещенных, число которых постоянно росло, в податном отношении они составляли со всеми прочими ясачными единую социальную группу, отличавшуюся от сибирских крестьян не только формой и нормой феодально-рентных платежей, но и освобождением от рекрутчины, особым порядком землепользования и особой системой самоуправления [21, с. 49–75; 22, с. 97–144].

Таким образом, мы видим, что идея включения ясачных в сословие государственных крестьян, владевшая умами некоторых правительственных деятелей и местных администраторов первой четверти

¹ Освобождение от рекрутской повинности было распространено на всех «ясачных иноверцев» Сибири, а с 1724 г. – на сибирских служилых татар и бухарцев.

XVIII столетия, в Сибири не получила практической реализации. Эта задача вновь встала на повестке дня в период проведения реформы М.М. Сперанского применительно к категории так называемых оседлых инородцев.

Я не буду подробно останавливаться на анализе основных положений «Устава об управлении инородцев», тем более что данная тема имеет обширную историографию (см.: [23; 24; 25; 26; 27, с. 168–184]). Выскажу лишь ряд замечаний, имеющих принципиальное значение в контексте рассматриваемой проблематики. Безусловно, «Устав» являлся компромиссным документом. Его создатели (М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков), при всем своем стремлении к унификации и рационализации, выступили против немедленной ломки традиционного уклада жизни аборигенов. Реформаторы высказались в пользу постепенной трансформации социальных структур ясачного населения при использовании методов умеренного административного воздействия на них. Был предложен проект, сориентированный на процесс поэтапного сближения сибирских инородцев с непривилегированными категориями русского населения, в первую очередь – с сословием государственных крестьян.

Практическая работа по реализации положений 1822 г. началась в Tobольской губернии в 1823 г. В соответствии с журнальным определением губернского совета от 17 октября, утвержденного 17 ноября Советом Главного управления Западной Сибири, инородческое население было распределено по разрядам в соответствии с параграфами Устава. Сибирский комитет, ознакомившись с действиями местных властей, нашел их соответствующими Уставу, отметив при этом, что в отношении бухарцев и ташкинцев Главному управлению «предоставлено учинить особое рассмотрение», до окончания которого «они должны оставаться на прежнем положении» [28, л. 239, 239 об.].

Ревизовавшие в 1828 г. Западную Сибирь сенаторы В.К. Безродный и А.Б. Куракин, отметили, что многие из причисленных к разряду «оседлых» вписаны в крестьянский оклад «без разбора состоятельных и несостоятельных». Ревизоры также обратили внимание на то, что разделение волостей у «оседлых инородцев» было произведено «не по указанию в Уставе», а «оставлено по-прежнему, соответственно родам и поколениям» [29, л. 452, 453]. Последний факт свидетельствовал об осторожности местной администрации в отношении реформирования сложившихся податных коллективов, какими являлись сформировавшиеся к 1820-м гг. инородческие волости. Таковую же осторожность, в плане административного переустройства, проявила и II Ясачная комиссия, действовавшая в Tobольской губернии в 1828–1830 гг.

29 мая 1835 г. был издан именной указ «О податях с оседлых инородцев Западной Сибири». Этим законоположением правительство установило для данной категории постепенный, «щадящий» график введения «в полные обязанности по состоянию крестьянскому». Для всех инородцев, отнесенных к «оседлым земледельцам», в Tobольской губернии (кроме татар Эскалбинской волости и бухарцев) подушная и оброчная подати к платежу на 5-летие с 1835 по 1840 г. были определены лишь в половину крестьянского оклада и составляли в сумме 5 руб. 50 коп. с души в год. С 1840 до 1850 г. «оседлые» должны были платить $\frac{2}{3}$, и только с 1850 г. – полный крестьянский оклад. Эскалбинские («заболотные») татары платили и того меньше – до 1840 г. лишь по 2 руб. 75 коп. с души, а с 1840 г. вопрос о возможности увеличения с них сборов должен был решаться губернским начальством. Силою этого же указа слагалась недоимка, накопившаяся на «оседлых» Tobольской губернии «в подати подушной, оброчной и в сборах на земские повинности» [30]. Анализ ведомости Tobольской казенной палаты, составленной в соответствии с вышеназванным указом и особыми положениями относительно сибирских бухарцев, показывает, что оседлые татары Tobольской губернии с 1835 по 1840 г. должны были платить в год с души подушного сбора, земских и общественных повинностей совокупно от 7 руб. 19 коп. до 7 руб. 99 коп. Бухарцы, занимавшиеся земледелием и не имевшие торговли, платили в год от 8 до 10 руб. оброчной подати «с дыма», а также земские и общественные сборы в размере около 5 руб. [31, л. 29 об.–31 об., 37 об, 38 об.–39]. Заметим также, что все «оседлые инородцы» не подлежали рекрутской повинности [7, § 18].

На протяжении 1830–40-х гг. ни одна инородческая волость в Tobольской губернии не была упразднена или расформирована. Организация низового управления «оседлых» не была преобразована по типу сельского для сибирских крестьян, о чем свидетельствуют данные II Ясачной комиссии и IX ревизии (1850 г.) [32, л. 59; 33, л. 14; 34, л. 3 об., 27]. Напротив, у «оседлых» в этот период сложилась система самоуправления в виде инородных управлений (предусмотренных для разряда «кочевых»), действовал свой традиционный суд. Эта система с незначительными новациями сохранялась до конца XIX в. [35, л. 35 об.–36]. Учитывая эти факты, трудно согласиться с утверждением авторов обобщающего труда, посвященного опыту управления окраинами Российской империи, о том, что в результате реформы 1822 г. «у оседлых инородцев начисто уничтожались традиционные институты» [36, с. 106].

Первые попытки расформирования волостей «оседлых» в Западной Сибири были предприняты

генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом. В своем отношении на имя министра государственных имуществ от 15 февраля 1858 г., он сообщал, что с целью более успешного развития земледелия у тех татар, которые живут разбросанно между русскими, в декабре 1857 г., «сделано мною, в виде опыта, распоряжение об упразднении инородческих управлений в татарских волостях Тарского округа Бухарской, Подгородной и Поружной... и о причислении юрт этих волостей к русским волостям». В результате реализации данного распоряжения в ведение пяти русских волостных правлений было передано более 5 600 инородцев обоего пола. При этом не нарушались «права поземельной собственности» коренного населения. Генерал-губернатор полагал, что под влиянием русских хлебопашество получит более прогрессивное развитие у татар и бухарцев, а это, в свою очередь, создаст условия для улучшения их быта и предотвращения недоимок в платеже податей [37, л. 1, 4 об.–6]. Предпринятые меры вызвали сильное недовольство инородцев. Упраздненные волости, а вместе с ними и инородные управления были восстановлены в Тарском округе в 1864 г. [38, с. 64].

Стремление нивелировать различия в социально-экономическом и административном положении крестьян и переходивших к оседлости аборигенов наталкивалось на сопротивление со стороны последних не только в силу увеличения объема податных обязанностей. Сохранению обособленности инородцев способствовал институт обычного права. В соответствии с его нормами функционировала система самоуправления, а инородческие суды регулировали все жизненно важные сферы, в том числе и вопросы землепользования. Показательным примером в этом отношении может служить опыт административных преобразований у хантов Тобольского уезда (округа), которые «по образу жизни и качеству промыслов» приближались к местному крестьянскому населению, хотя и относились к разряду «кочевых». В 1865 и 1867 гг. две волости «остяков» – Темлячевская и Верх-Демьянская – на правах сельских обществ были причислены, соответственно, к Самаровской и Демьянской русским волостям [39, л. 16 об.]. Формально объединенные в одних административных границах с русскими крестьянами инородцы имели право, но не участвовали в выборах в члены волостного правления и волостного суда. Ханты Демьянской волости избирали из своей среды старосту и кандидата, а Самаровской – голову и двух кандидатов. Судиться аборигены

предпочитали в своей инородческой расправе, несмотря на то, что она обладала меньшими правами, чем волостной суд [40, л. 184 об., 187 об.].

Крестьянский начальник, в ведении которого находились названные волости, указывал, что помимо отличий в налогообложении («остяки» вносили ясак по 2 руб. с «платежной души») соединению инородческих селений с русскими в одно общество мешает «различие в землепользовании» [40, л. 187 об.–188]. Не случайно поэтому, что во время перевода в 1910–1911 гг. всего «остяко-вогульского» населения Тобольского и Туринского уездов в разряд «оседлых» в числе важнейших мероприятий было проведение землеустроительных работ и введение у инородцев порядка землепользования, предусмотренного для государственных крестьян сибирских губерний.

Следует отметить, что активная христианизация первой половины XVIII в. и экономическая ситуация, складывавшаяся на протяжении рассматриваемого периода, в целом благоприятствовали сближению русского и инородческого населения Западной Сибири (см.: [41, с. 334, 336; 42, с. 128–130]. Вместе с тем, даже крещеные ханты, проживавшие смешанно с русскими, довольно стойко сохраняли свое этническое самосознание. Еще ярче этнокультурные отличия проявлялись между русскими и татарами. Этот фактор способствовал закреплению у аборигенного населения региона представления о своем особом социальном положении в обществе и государстве.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Ясачное население Сибири в XVIII в. не стало частью формирующегося крестьянского сословия, сохраняя неопределенность своего правового положения до реформы 1822 г. Вплоть до начала XX в. существовала разница между юридическим (предписанным) и фактическим статусом той части бывших ясачных, которая, в соответствии с «Уставом об управлении инородцев», формально была включена в число государственных крестьян. Этому способствовала совокупность факторов этносоциального, административно-правового и экономического порядка. Решительные шаги, направленные на преодоление специфики социально-экономического и административного положения «оседлых» и части «кочевых инородцев», переходивших к оседлому образу жизни, были предприняты тогда, когда сословная парадигма уже перестала играть определяющую роль в социальной политике Российского государства.

Поступила в редакцию 04.10.2006

Литература и источники

1. Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Специальные курсы. М., 1989.
2. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. СПб., 1999. Т. 1.
4. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982.
5. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
6. Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. (ПСЗ-I). Т. 38. № 29126.
8. Дамешек Л.М. Организация управления народами Сибири в XIX – начале XX века // Источниковедение истории государства и права до-революционной России. Иркутск, 1983.
9. Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI–XIX вв. (Краткий обзор проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: Тез. докл. междунар. конф. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина. М., 1994. Ч. 2.
10. ПСЗ-I. Т. 7. № 4533.
11. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956.
12. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.
13. Расходные книги Верхотурской земской конторы 1723 года (подготовка: В.А. Перевалов) // Архивы Урала. Научно-популярный журнал. Екатеринбург, 1996. № 1.
14. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в городе Тобольске» (ГУТО ГАТ). Ф. 156. Оп. 1. Д. 203.
15. ПСЗ-I. Т. 6. № 3637.
16. Там же. № 4123.
17. Миненко Н.А. Судьба православия на Обском Севере (XVIII – начало XX века) // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
18. ПСЗ-I. Т. 7. № 4860.
19. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942.
20. РГАДА. Ф. 462. Д. 2.
21. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.
22. Бакиева Г.Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII – начало XX в.). Тюмень; Москва, 2003.
23. Светличная Л.И. «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского (1822 г.) // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 1.
24. Дамешек Л.М. Устав об управлении инородцев М.М. Сперанского и Г.С. Батенькова // Памяти декабристов. Иркутск, 1975.
25. Марченко В.Г. Система управления сибирскими аборигенами в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
26. Хоч А.А. Административная политика М.М. Сперанского в Сибири и «Устав об управлении инородцев» 1822 г. // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1990. № 5.
27. Федоров М.М. История правового положения народов Восточной Сибири в составе России. Иркутск, 1991.
28. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 300. Т. 2.
29. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620.
30. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 10. Отд. 1. № 8183.
31. ГУТО ГАТ. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5.
32. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 850.
33. ГУТО ГАТ. Ф. 154. Оп. 8. Д. 624.
34. Там же. Д. 625.
35. Там же. Оп. 34. Д. 390.
36. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
37. ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4217.
38. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993.
39. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2.
40. ГУТО ГАТ. Ф. 344. Оп. 1. Д. 216.
41. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1891. Вып. X.
42. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1.